

УДК 316.344.34

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-263-273

Теория П. Бурдьё в военной социологии: военный капитал и профессиональная мобильность

Карлова Е.Н.

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»,
Россия, 394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, д. 54а
E-mail: ekaterina-n-karlova@yandex.ru

Аннотация. Несмотря на отсутствие формальных социальных барьеров в продвижении по военной службе, существуют свидетельства неравных шансов на выбор военной профессиональной траектории и военной-профессиональной мобильности выходцев из разных социальных групп. Продуктивной, но редко применяемой в военной социологии теорией является концепция П. Бурдьё, позволяющая рассматривать военную организацию как социальное поле, в котором формируется военный габитус и накапливается военный капитал. Целью данного исследования является теоретическое обоснование понятия «военный капитал» и эмпирическая оценка значения социального происхождения и культурного капитала курсантов как социальных оснований выбора военной профессии. Исследование показало, что значительная доля курсантов до поступления в военный вуз имела начальный уровень военного капитала в его культурной, физической и социальной формах. Основными средствами продвижения по военной службе курсанты считают командно-административный, образовательный и физический капитал. Проведенное исследование показало эвристический потенциал теории П. Бурдьё для объяснения особенностей профессиональной мобильности военнослужащих внутри армейской иерархии, гражданско-военных отношений, перспектив адаптации военнослужащих после увольнения из армии.

Ключевые слова: военный капитал, военная социология, социальное происхождение, социальная мобильность, неравенство, военное образование.

Для цитирования: Карлова Е.Н. 2021. Теория П. Бурдьё в военной социологии: военный капитал и профессиональная мобильность. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 46 (2): 263–273. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-263-273

P. Bourdieu's theory in military sociology: Military capital and professional mobility

Ekaterina N. Karlova

Military Educational and Scientific Centre of the Air Force
"Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy",
54a Starykh Bolshevikov St, Voronezh, 394064, Russian Federation
E-mail: ekaterina-n-karlova@yandex.ru

Abstract. Despite the absence of formal social barriers to promotion in the military service, there is evidence of unequal chances of choosing a military professional trajectory and military-professional mobility for people from different social groups. A productive but rarely used theoretical framework for military sociology is the concept of P. Bourdieu, which allows us to consider the military organization as a social field in which the military habitus is formed and military capital is accumulated. The purpose of this study is to provide a theoretical justification for the concept of "military capital" and an empirical assessment of the importance of the social origin and cultural capital of cadets as social grounds for choosing a military profession. The study is based on a questionnaire survey of military universities cadets.

The study showed a significant proportion of cadets with initial level of military capital in its cultural, physical and social forms. Military education becomes a means of social mobility for provincial young people with an average level of academic performance. Cadets consider command-administrative, educational and physical capital to be the main resources for promotion in military service. The study showed the heuristic potential of P. Bourdieu's theory for explaining the features of professional mobility of military personnel within the army hierarchy, civil-military relations, and adaptation potential of military personnel after leaving the army.

Key words: military capital, military sociology, social origin, social mobility, inequality, military education.

For citation: Karlova E.N. 2021. P. Bourdieu's theory in military sociology: military capital and professional mobility. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46 (2): 263–273 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-2-263-273

Введение

Вплоть до окончания Второй мировой войны социальное происхождение определяло перспективы продвижения человека по военной службе сначала по сословному, затем по классовому признаку. К концу XX века социальное происхождение офицеров как профессионального ядра вооруженных сил становится все ближе классовой структуре общества в целом, репрезентируя все социальные слои, за исключением беднейших и богатейших доходных групп [Moelker, Soeters, 2008]. Несмотря на то, что в настоящее время в общественном мнении военная служба считается соответствующей меритократическим принципам [Социальные лифты, 2020], существуют свидетельства классовых диспропорций и недопредставленности ряда социальных групп в офицерском корпусе, а также неравных возможностей профессиональной мобильности некоторых социально-демографических и социально-экономических групп [Roth-Dauquet, 2006; Clark et al., 2020; Карлова, 2021].

Объяснительной теорией наличия неравных шансов на выбор военной профессиональной траектории выходцам из разных социальных групп и внутриармейской профессиональной мобильности может стать концепция Пьера Бурдьё. Проблемы военной организации отдельно не разрабатывались французским социологом, но реконструируя его подход, можно рассмотреть армию как социальное поле – особое социальное пространство со своими правилами поведения, закономерностями и структурами власти, место культурного воспроизводства. Военное поле притягивает агентов, обладающих определенными социальными характеристиками и диспозициями, конгруэнтными военному полю, которые усиливаются в процессе воинской социализации и образуют военный габитус¹. В данной статье предпринимается попытка теоретического обоснования понятия «военный капитал» как совокупности специфических ресурсов, приобретаемых актором в процессе воинской социализации, а также эмпирического исследования социальных оснований выбора военной профессии в зависимости от социального происхождения и накопленного культурного капитала.

Представление о военной организации как особом социальном поле – структурированном пространстве позиций доминирования и подчинения [Шматко, 2005] согласуется с теориями гражданско-военных отношений С. Хантингтона [Huntington, 1957], М. Яновица [Janowitz, 1960], П. Фивера [Feaver, 1990] и других теоретиков, описывающих армию как закрытую, противопоставленную гражданскому обществу социальную систему, организованную в соответствии со своими собственными интересами и правилами. Теория полей

¹ Габитус в теории П. Бурдьё понимается как набор устойчивых бессознательных диспозиций, включающий индивидуальные и групповые схемы восприятия, оценивания, представления и действия, целостность мировоззрения [Бурдьё, 1998]

П. Бурдьё помогает осмыслить это противопоставление в социокультурной плоскости, а концепция капиталов как факторов социальной стратификации [Бурдьё, 2005b], может стать продуктивной теоретической платформой для осмысления социального статуса военнослужащих, который во многом определяется такими неэкономическими факторами, как особое правовое положение, стиль жизни, немонетарные социальные льготы и гарантии, при некоторых условиях – политическое влияние.

Военный капитал в исследованиях социологов

Теория П. Бурдьё оказалась плодотворной для западной военной социологии в объяснении особенностей внутриармейской иерархии, гражданско-военных отношений, перспектив адаптации военнослужащих после увольнения из армии. Опираясь на теорию П. Бурдьё, исследователи рассматривают систему военного образования как социальное поле, где в процессе интенсивной социализации формируется военный габитус и накапливается военный капитал. Так, Я. Пиндлебери [Pendlebury, 2019] фокусируется на социальном неравенстве внутри военного поля, обусловленным неравным доступом некоторых групп к накоплению военного капитала, в частности, женщин – к развитию необходимого уровня физической подготовки. П.М. Хаджджейр [Hajjar, 2005], напротив, акцентирует внимание на интегрирующей функции военного поля, которое нивелирует расовые, этнические, экономические другие различия, препятствующие социальной мобильности в гражданском обществе. Военный габитус, включающий лидерские навыки, самодисциплину, хорошие манеры, стремление к получению образования, дает возможность социальной мобильности для детей из социально незащищенных слоев населения.

Эстонские социологи [Laanepere, Kasearu, 2020] отмечают воспитание чувства единства военной корпорации путем ношения одинаковой униформы, совместного проживания и питания, сравнительно низкую ценность для военной службы экономического капитала и высокую – физического капитала. Американскими социологами [Hinojosa et al., 2019] проведено отдельное исследование роли физического капитала как инкорпорированной формы культурного капитала, используемой военнослужащими для получения статуса ветерана и доступа к другим видам капитала, предоставляемым социальным институтом военной службы. Ряд ученых [Abraham et al., 2017] сомневаются в существовании габитуса, связанного исключительно с воинской социализацией, и приводят доказательства схожести приписываемых военному габитусу характеристик с ценностями и убеждениями рабочего класса и маскулинной культуры.

Зарубежные военные социологи используют теоретические основы концепции П. Бурдьё для изучения перехода военнослужащих к гражданской жизни после увольнения. Например, британо-израильское сравнительное исследование [Kachtan, Binks, 2020] демонстрирует индивидуальный опыт восприятия военнослужащими своих шансов на конвертацию военного капитала на гражданском рынке труда. Британские ученые [Cooper et al., 2016] отмечают, что некоторые формы культурного капитала, такие как воинское звание или навыки владения оружием, не востребованы в гражданской жизни, что делает возвращение к гражданской жизни травматичным, приводит к культурной дезориентации ветеранов. Социологи также высказывают идею о том, что владение военным капиталом может влиять на социальную мобильность и карьерную траекторию внутри военной организации [Cooper et al., 2017].

Израильские социологи [Swed, Butler, 2015] считают, что «военный капитал» приобретает в процессе воинской социализации и включает в себя особые навыки (человеческий капитал), социальные связи (социальный капитал) и социальные нормы и правила по-

ведения, принятый в военной среде (культурный капитал). Военный капитал легко конвертируется в гражданской сфере, особенно в секторе высокотехнологичного предпринимательства Израиля. Другие социологи [Polin, Ehrman, 2020] пошли дальше в исследовании военного капитала и включили в анализ переменные командного опыта и типа подразделения (боевого, технологического, иного) для определения степени конвертируемости военного капитала, полученного в ходе службы по призыву. По мнению ученых, собственно военная подготовка, включающая владение оружием, дает мало полезных на гражданском рынке труда навыков, в отличие от навыков в сфере высоких технологий, приобретенных в специальных подразделениях, а также командного опыта, планирования и мотивации воинских коллективов.

В России военный капитал в большей степени конвертируется на гражданской государственной службе и государственных предприятиях. По данным А.И. Смирнова [Смирнов, 2015], особенно популярна у будущих военных пенсионеров работа в федеральных, региональных и муниципальных органах государственной власти (60 %), до 20 % военнослужащих хотели бы продолжить трудовую деятельность в качестве гражданского персонала МО РФ и других силовых ведомств.

Опыт эмпирических военно-социологических исследований доказывает, что особенности армии как закрытого социального института предоставляют возможности для его описания в терминах теории П. Бурдьё. В тоже время в отечественной социологии пока нет работ, рассматривающих военную организацию как социальное поле, в котором формируется военный габитус и накапливается комплекс специфических социальных активов – военный капитал. Кроме того, интерес вызывают социальные характеристики индивидов, выбирающих военную профессию, и их восприятие значимости для служебного роста различных видов военного капитала.

«Военный капитал» и его формы

Обобщая опыт применения теории П. Бурдьё в военной социологии, можно сформулировать определение военного капитала как *совокупности нематериальных ресурсов, приобретаемых во время военной службы и в процессе воинской социализации, влияющих на социально-профессиональный статус индивида в военной иерархии*. К основным видам капитала П. Бурдьё относит экономический, культурный, социальный и символический капитал [2007, с.16]. Наиболее объемный и внутренне неоднородный вид капитала – культурный, в который П. Бурдьё [2005а] включает как образовательные квалификации, так и инкорпорированные в семье манеры, вкусы, словарный запас и произношение. Развивая концепцию П. Бурдьё, В.В. Радаев [2002] выделяет дополнительные формы капитала: физический, человеческий, административный, политический. Принимая во внимание своеобразие военной профессии, заключающееся в том, что для успешной службы необходимо владеть образовательными компетенциями, обладать командирским талантом, комплексом морально-психологических и физических качеств [Карлова, 2021], целесообразно в отдельные виды военного капитала выделить следующее:

- военно-культурный капитал, включающий в инкорпорированной форме особые морально-психологические качества (патриотизм, мужество, честь, преданность воинскому долгу, личная жертва и т.д.), «мягкие навыки» дисциплинированности и товарищеских взаимоотношений в воинском коллективе, следование военным правилам поведения и этикета;
- образовательный капитал как более упорядоченное и стандартизированное, объективированное в дипломах формальное образование и военно-профессиональные компетенции в соответствии со специальностью;

– командно-административный капитал, включающий командно-штабные навыки, управленческий талант, лидерские и организаторские качества, благодаря которым военнослужащий приобретает определенный объем властных полномочий и продвигается по войсковой иерархии;

– военно-физический капитал, который представляет собой сформированную в системе физической и строевой подготовки военную выправку, качества силы, выносливости, ловкости, и т. д., а также определённый уровень физического здоровья, делающего человека годным к военной службе;

– символический капитал, включающий честь, престиж и социальное признание, связанные с героическим образом военной профессии, готовностью к самопожертвованию и боевым опытом военнослужащих;

– военно-социальный капитал, включающий социальные связи родства и дружбы представителей военной профессии, корпоративной сплоченности.

С целью проверки обоснованности выделения видов военного капитала и оценки их субъективной значимости для служебного роста, в декабре 2020 г. автором был проведен социологический опрос курсантов военных вузов Министерства обороны РФ по квотной выборке, объем выборочной совокупности составил 347 респондентов¹. Особое внимание в исследовании уделялось социальному и культурному капиталу семей курсантов и определению факторов, повышающих шансы вхождения в поле военной профессии, поскольку они обуславливают стартовый объем военного капитала будущих офицеров.

Подавляющее большинство курсантов имели то или иное представление о военной профессии и начальный уровень военного капитала в его культурной, физической и социальной формах. Отец каждого четвертого из опрошенных курсантов является военнослужащим Министерства обороны РФ (15 % респондентов – из офицерских семей, 10 % – из семей прапорщиков и рядового состава), еще 7 % курсантов имеют родителей, проходящих службу в других силовых ведомствах, 44,3 % респондентов указали, что имеют других близких родственников, проходивших военную службу по контракту в Вооруженных Силах РФ, Росгвардии и других войсках и воинских формированиях. Почти четверть курсантов имеет собственный опыт воинской социализации: проходили службу по призыву или по контракту, учились в Суворовских училищах, кадетских корпусах и классах, участвовали во Всероссийском детско-юношеском военно-патриотическом общественном движении (ВВПОД) «Юнармия».

Профессионально-образовательный статус родителей курсантов военных вузов представлен в таблице 1. Родители курсантов имеют достаточно высокий уровень образования: 35,2 % курсантов воспитывались в семьях, где оба родителя имеют высшее образование, у 67,5 % – хотя бы один из родителей имеет диплом о высшем образовании, что соответствует образовательному уровню родителей российских школьников, поступающих в гражданские вузы [Хавенсон, Чиркина, 2018].

Источником пополнения офицерских кадров чаще всего служат сельские поселения, посёлки городского типа и небольшие города. Как видно из таблицы 2, шансы выбора военной профессии молодыми людьми, проживающими в Москве, Санкт-Петербурге и столицах регионов значительно ниже. Последние чаще сомневались в военно-профессиональном выборе, чем сельчане и жители небольших городов (25 и 19 % соответственно подавали документы на поступление в гражданский вуз). Служить в армии более 20 лет собираются 50 % курсантов из числа столичных жителей и 60 % провинциалов.

¹ Опрошены курсанты ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» и ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова».

Таблица 1
 Table 1

Профессионально-образовательный статус родителей курсантов военных вузов
 (в % от числа опрошенных)
 Professional and educational status of parents of cadets of military universities
 (in % of the number of respondents)

	Отец	Мать
Профессионально-должностной статус родителей		
Руководители разного уровня	10,7	8,9
Квалифицированные специалисты с высшим образованием, работающие в частном или гос. секторе	10,7	27,8
Самозанятые и ведущие индивидуальную трудовую деятельность или частную практику	6,0	8,5
Военнослужащие и другие «силовики»	33,2	6,0
Служащие из числа технического и обслуживающего персонала	11,4	15,5
Рабочие	20,5	11,7
Пенсионеры, безработные, домохозяйки	7,4	21,5
Уровень образования родителей		
Имеют среднее профессиональное образование	40,4	31,1
Имеют высшее образование	47,5	54,2

Таблица 2
 Table 2

Сравнение распределения населения РФ и абитуриентов военных вузов
 по типам населенных пунктов (в % от числа опрошенных)
 Comparison of the distribution of the population of the Russian Federation and applicants
 to military universities by type of locality (in % of the number of respondents)

Тип населенного пункта	Доля курсантов	Распределение населения РФ ¹
Москва, Санкт-Петербург	6,1	12,8
Столица субъекта РФ	15,2	28,9
Другие города	38,8	31,3
Село, деревня, посёлок городского типа	37,6	27,0
Обособленная воинская часть вне черты населенного пункта	2,3	нет данных

Стартовый уровень культурного капитала курсантов в нашем исследовании измерялся через академическую успеваемость, предпочтительные виды досуга и увлечений в

¹ Рассчитано автором на основе: [Численность населения, 2020]

школьный период. В таблице 3 представлены результаты ЕГЭ курсантов в целом и курсантов из семей, в которых родители имеют высшее образование. Физику большинство курсантов сдаёт в диапазоне 40–66 баллов, математику – на 38–70 баллов, русский язык – 56–79 баллов¹, что позволяет отнести поступающих в военные вузы молодых людей к категории хорошистов. Вместе с тем подобные результаты ЕГЭ не позволяют молодым людям поступить на бюджетные места с средне- и высокоселективные вузы [Прахов, 2017].

Таблица 3
Table 3

Распределение курсантов по уровню полученных результатов ЕГЭ (в % от числа опрошенных)
 Distribution of cadets by the level of the Unified State Exam results (in % of the number of respondents)

Оценка результатов ЕГЭ	Физика		Математика		Русский язык	
	Все курсанты	Курсанты из семей с высшим образ.	Все курсанты	Курсанты из семей с высшим образ.	Все курсанты	Курсанты из семей с высшим образ.
отлично	13,5	10,2	24,3	28,4	35,0	42,9
хорошо	27,6	40,7	38,8	47,8	45,9	45,9
удовлетворительно	58,9	49,2	36,9	23,9	19,0	11,2

Каждый вуз заинтересован в приёме талантливых и способных обучающихся, однако сочетание культурного капитала родителей и собственных образовательных успехов может стать причиной отказа абитуриентов от военной карьеры: каждый третий курсант, сдавший ЕГЭ выше среднего по выборке и имеющий родителей с высшим образованием, подавал документы одновременно в военный и гражданский вуз.

Подавляющее большинство семей респондентов инвестировали в развитие культурного капитала детей, лишь 7 % курсантов до поступления в вуз не посещали дополнительные образовательные, творческие или спортивные занятия. Почти 40 % респондентов занимались с репетитором для подготовки к ЕГЭ, что соответствует данным ВЦИОМ по общероссийской выборке [ЕГЭ как способ, 2019]. Обращает на себя внимание усиленные занятия спортом поступающих в военные вузы – 78 % респондентов занимались в спортивной школе или секции, в то время как, по данным ВЦИОМ, только 41 % подростков и молодежи в возрасте 13–29 лет постоянно занимаются спортом [Россия – спортивная страна, 2019]. Каждый десятый будущий курсант дополнительно к школьной программе изучал иностранные языки и совершенствовал свои навыки работы на компьютере.

Таким образом, стартовыми факторами, повышающими шансы выбора военной профессии, являются: социальное происхождение молодых людей из семьи военнослужащих и собственный опыт воинской социализации, физический капитал (здоровье и физическая подготовка), географическая удаленность места проживания от культурных и образовательных центров, школьная успеваемость на уровне «хорошо» и «удовлетворительно». Следует отметить, что в ходе исследования не было выявлено зависимости уровня результатов ЕГЭ, ожидаемой продолжительности службы в армии и уверенности в военно-профессиональном выборе от самооценки курсантами материального положения семьи и профессионально-должностного статуса родителей.

¹ Диапазон рассчитан как среднее значение ± среднеквадратичное отклонение.

Оценивая факторы, способствующие продвижению по службе после выпуска из военного вуза, курсанты отдают приоритет командирским навыкам и таланту, а также образовательному и физическому капиталу (см. рисунок). Неоднозначную оценку получил фактор продолжения образования в магистратуре и адъюнктуре: половина курсантов считает его значимым для карьерного роста в армии, другая половина – нет. Вероятно, для молодых людей продолжение образования, которое допускается только после нескольких лет службы в войсках, рассматривается как слишком отдаленная перспектива.

Оценка курсантами различных факторов продвижения по службе
 (доля респондентов, считающих тот или иной фактор значимым)
 Cadets' assessment of various promotion factors (percentage of respondents
 who consider this or that factor significant)

Интересно, что курсанты считают второстепенной роль социального капитала в продвижении по службе, каждый второй респондент не верит в то, что социальные связи родителей и собственные связи, приобретенные во время обучения в военном вузе, будут способствовать служебному росту. Среди детей военнослужащих, особенно офицеров, оценка значимости социального капитала значительно выше (48 % надеются на собственные связи, 39 % – на связи родителей).

В ответах на вопрос о том, что значит быть военным профессионалом, курсанты указывают владение военно-учетной специальностью (73,6 %) командирские навыки (62,3 %) и морально-психологические качества (40,3 %). Каждый десятый считает обязательным для военного профессионала опыт участия в боевых действиях. Несмотря на то, что курсанты осознают важность образовательного и командно-административного капитала в продвижении по службе, в высоком уровне развития собственных соответствующих качеств уверены не все. Высокий уровень развития командно-штабных навыков отмечают 30 % респондентов, высокий уровень успеваемости по дисциплинам специальности – 36 %. Наибольших успехов курсанты достигают в физической подготовке и дисциплинированности – более половины опрошенных уверены в успешности данных аспектов обучения.

Заключение

Своеобразие военной профессии, заключающееся в определенной автономности от общества, жёсткой иерархичности, консерватизме и корпоративности позволяет военным социологам успешно применять теорию П. Бурдьё для объяснения особенностей профессиональной мобильности военнослужащих внутри армейской иерархии и стратегий их адап-

тации после увольнения из армии. В терминах теории П. Бурдьё процесс воинской социализации в военном вузе представляет собой фазу первоначального накопления военного капитала и формирования военного габитуса.

Предпринятое эмпирическое исследование показало, что, несмотря на равный доступ к военному образованию различных социально-экономических групп, социальное происхождение, культурный и социальный капитал семьи продолжают играть важную роль в военно-профессиональной ориентации. Большая доля курсантов рекрутируется из семей, имеющих военную традицию, обязательными условиями вхождения индивида в поле военной профессии является также ранняя военно-профессиональная ориентация и физический капитал. Военное образование становится социальным лифтом для молодых людей со средним уровнем академической успеваемости из провинции. Сами курсанты к ключевым ресурсам в продвижении по военной службе относят командно-административный, образовательный, физический и символический капитал. Вместе с тем уверенности в достаточном объеме военного капитала у курсантов пока нет, что связано с незавершенностью процесса воинской социализации и нахождением курсантов в самом начале военно-профессионального пути.

Список источников

1. ЕГЭ как способ поступить в вуз: удобства и сложности. Аналитический обзор ВЦИОМ от 22 мая 2019 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ege-kak-sposob-postupit-v-vuz-udobstva-i-slozhnosti> (дата обращения: 23 января 2021).
2. Россия – спортивная страна! Аналитический обзор ВЦИОМ от 13 ноября 2019 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-sportivnaya-strana-> (дата обращения: 2 февраля 2021).
3. Социальные лифты: едут или стоят? Аналитический обзор ВЦИОМ. 25 июня 2020 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnye-lifty-edut-ili-stoyat> (дата обращения: 2 февраля 2021).
4. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2020 года. Информационно-аналитические материалы Федеральной службы государственной статистики. М. 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения 25.01.2021) (дата обращения: 23 января 2021).

Список литературы

1. Бурдьё П. 2005. Различение: социальная критика суждения. Экономическая социология, 6(3): 25–48.
2. Бурдьё П. 2007. Социальное пространство и генезис «классов». В кн.: Социология социального пространства. Пер. с франц.; отв. ред. перевода Шматко, Н.А. СПб, Алетейя, 288 с.
3. Бурдьё П. 1998. Структура, габитус, практика. Журнал социологии и социальной антропологии, 1(2): 44–59.
4. Бурдьё П. 2005. Формы капитала. Экономическая социология, 6 (3): 60–74.
5. Карлова Е.Н. 2021. Воспроизводство социальной структуры Вооруженных Сил в системе военного профессионального образования. Социологические исследования, 2: 81–91.
6. Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А. 2018. Образовательные переходы в России: социально-экономическое положение семьи и успеваемость. М, НИУ ВШЭ, 24 с.
7. Прахов И.А. 2017. Доступность высшего образования в условиях ЕГЭ: источники возникновения и распространения неравенства. В кн.: Образование и социальная дифференциация. Отв. ред. Карной М., Фрумин И.Д., Кармаева Н.Н. М., Изд. дом Высшей школы экономики: 282–310.
8. Радаев В.В. 2002. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. Экономическая социология, 3 (4): 20–32.
9. Смирнов А.И. 2015. Трудоустройство и занятость военных пенсионеров. Вестник Института социологии, 15: 129–148.
10. Шматко Н.А. 2005. «Социальные пространства» Пьера Бурдьё. В кн.: Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Шматко, Н.А. СПб, Алетейя: 576 с.

11. Abraham T, Cheney A.M., Curran G.M. 2017. A Bourdieusian Analysis of U.S. Military Culture Ground in the Mental Help-Seeking Literature. *American Journal of Men's Health*. September:1358-1365. DOI: 10.1177/1557988315596037
12. Clark S. M., Hack-Polay D., Bal P. M. 2020. Social Mobility and Promotion of Officers to Senior Ranks in the Royal Navy: Meritocracy or Class Ceiling? *Armed Forces & Society*, 1-23 DOI: 10.1177/0095327X20905118
13. Cooper L., Caddick N., Godier L., Cooper A., Fossey M. 2016. Transition From the Military Into Civilian Life: An Exploration of Cultural Competence. *Armed Forces & Society*, 44 (1): 156–177.
14. Feaver P. D. 2005. *Armed Servants: Agency, Oversight and Civil-Military Relations*. Harvard: Harvard University Press, 381 p.
15. Hajar R. M. 2005. The Public Military High School A Powerful Educational Possibility. *Armed Forces & Society*, 32 (1): 44–62.
16. Hinojosa R., Hinojosa M. S., Nguyen J. 2019. Military Service and Physical Capital: Framing Musculoskeletal Disorders Among American Military Veterans Using Pierre Bourdieu's Theory of Cultural Capital. *Armed Forces & Society*, 45(2): 268–290.
17. Huntington, S. P. 1957. *The Soldier and the State. The Theory and Politics of Civil-Military Relations*. Cambridge, MA, Belknap Press of Harvard University Press, 534 p.
18. Janowitz, M. 1960. *The Professional Soldier, a Social and Political Portrait*. Glencoe, ILL.: Free Press, 464 p.
19. Kachtan D. G., Binks E. 2020. Soldiers' Perceptions and Expectations of Converting Military Capital – The Cases of Israeli and British Militaries. *Sociological Inquiry*, 1. DOI: 10.1111/soin.12397.
20. Laanepere, T., Kasearu K. 2020. Military and Civilian Field-Related Factors in Estonian Reservists' Military Service Readiness. *Armed Forces & Society*, August. DOI:10.1177/0095327X20944093.
21. Cooper L., Caddick N., Godier L., Cooper A., Fossey M., Engward H. A model of military to civilian transition: Bourdieu in action. *Journal of Military, Veteran and Family Health*, 3 (2): 53–60.
22. Moelker R., Soeters J. 2008. Van Doorn and Beyond from Teaching Sociology to Interdisciplinary, Problem-Based Learning in Dutch Officer Training. *Armed Forces & Society*, 35 (1): 36–48.
23. Pendlebury J. 2019. Bourdieu in the military: the field of officer training in three air forces. In: Soili Paananen & Antti-Tuomas Pulkka (eds.): *Processes and practices in military training and education*, Helsinki, National Defence University Department of Leadership and Military Pedagogy, 21–40.
24. Polin B. A., Ehrman C.M. 2020. The Curious Relationship Between Military Service and Entrepreneurial Intentions in Israel. *Armed Forces & Society*, 46(3): 438–453.
25. Roth-Dauquet K. Schaeffer F. 2006. *AWOL: The Unexcused Absence of America's Upper Classes from Military Service – and How It Hurts Our Country*. New York, Harper Collins, 272 p.
26. Swed O., Butler J.S. *Military Capital in the Israeli Hi-tech Industry*. 2015. *Armed Forces & Society*, 41(1): 123–141.

References

1. Bourdieu P. 2005. Razlichenie: social'naja kritika suzhdenija. [Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste]. *Jekonomicheskaja sociologija*, 6(3): 25–48.
2. Bourdieu P. 2007. Social'noe prostranstvo i genezis "klassov" [The Social Space and the Genesis of Groups]. In: *Sociologija social'nogo prostranstva [Sociology of social space]*. Ed. Shmatko, N.A. SPb., Publ. Aletejya, 288 p.
3. Bourdieu P. 1998. Struktura, gabitus, praktika [Structures, habitus, practices]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 1(2): 44–59.
4. Bourdieu P. 2005. Formy kapitala [The forms of Capital]. *Jekonomicheskaja sociologija*, 6(3): 60–74.
5. Karlova E.N. 2021. Vosproizvodstvo social'noj struktury Vooruzhennyh Sil v sisteme voennogo professional'nogo obrazovanija. [The reproduction of social structure of the Russian Armed Forces in military professional education]. *Sociologicheskie issledovanija*, 2: 81–91.
6. Havenson T.E., Chirkina T.A. 2018. Obrazovatel'nye perehody v Rossii: social'no-jekonomicheskoe polozhenie sem'i i uspevaemost' [Educational transitions in Russia: socio-economic status of the family and academic performance]. M., Publ. NIU VShJe, 24 p. (In Russian)
7. Prahov I.A. 2017. Dostupnost' vysshego obrazovanija v uslovijah EGJe: istochniki vozniknovenija i rasprostraneniya neravenstva. [Accessibility of higher education in the conditions of the Unified State Exam: sources of the emergence and spread of inequality In: *Obrazovanie i social'naja differenciacija*

[Education and social differentiation] Ed. Karnoj, M., Frumin, I. D., Karmaeva, N.N. M, Publ. Vyshej shkoly jekonomiki: 282–310. (In Russian)

8. Radaev V.V. 2002. Ponjatje kapitala, formy kapitalov i ih konvertacija [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. *Jekonomicheskaja sociologija*, 3 (4): 20–32. (In Russian)

9. Smimov A.I. 2015. Trudoustrojstvo i zanjatost' voennyh pensionerov [Resettlement and Employment of Discharged Military Personnel]. *Vestnik Instituta sociologii*, 15: 129–148. (In Russian)

10. Shmatko N.A. 2005. "Social'nye prostranstva" P'era Burd'jo ["Social Spaces" by Pierre Bourdieu]. In: Burd'jo P. *Social'noe prostranstvo: polja i praktiki* [Social space: fields and practices]. Ed. Shmatko, N.A. SPb, Publ. Aletejya, 576 p. (In Russian)

11. Abraham T., Cheney A.M., Curran G.M. 2017. A Bourdieusian Analysis of U.S. Military Culture Ground in the Mental Help-Seeking Literature. *American Journal of Men's Health*. September: 1358–1365. DOI: 10.1177/1557988315596037

12. Clark S. M., Hack-Polav D., Bal P. M. 2020. Social Mobility and Promotion of Officers to Senior Ranks in the Royal Navy: Meritocracy or Class Ceiling? *Armed Forces & Society*, 1–23 DOI: 10.1177/0095327X20905118

13. Cooper L., Caddick N., Godier L., Cooper A., Fossey M. 2016. Transition From the Military Into Civilian Life: An Exploration of Cultural Competence. *Armed Forces & Society*, 44 (1): 156–177.

14. Feaver P. D. 2005. *Armed Servants: Agency, Oversight and Civil-Military Relations*. Harvard: Harvard University Press, 381 p.

15. Hajjar R. M. 2005. The Public Military High School A Powerful Educational Possibility. *Armed Forces & Society*, 32 (1): 44–62.

16. Hinojosa R., Hinojosa M. S., Nguyen J. 2019. Military Service and Physical Capital: Framing Musculoskeletal Disorders Among American Military Veterans Using Pierre Bourdieu's Theory of Cultural Capital. *Armed Forces & Society*, 45(2): 268–290.

17. Huntington, S. P. 1957. *The Soldier and the State. The Theory and Politics of Civil-Military Relations*. Cambridge, MA, Belknap Press of Harvard University Press, 534 p.

18. Janowitz, M. 1960. *The Professional Soldier, a Social and Political Portrait*. Glencoe, ILL, Free Press, 464 p.

19. Kachtan D. G., Binks E. 2020. Soldiers' Perceptions and Expectations of Converting Military Capital – The Cases of Israeli and British Militaries. *Sociological Inquiry*, 1. DOI: 10.1111/soin.12397

20. Laanepere, T., Kasearu K. 2020. Military and Civilian Field-Related Factors in Estonian Reservists' Military Service Readiness. *Armed Forces & Society*, August. DOI: 10.1177/0095327X20944093

21. Cooper L., Caddick N., Godier L., Cooper A., Fossey M., Engward H. A model of military to civilian transition: Bourdieu in action. *Journal of Military, Veteran and Family Health*, 3 (2): 53–60.

22. Moelker R., Soeters J. 2008. Van Doorn and Beyond From Teaching Sociology to Interdisciplinary, Problem-Based Learning in Dutch Officer Training. *Armed Forces & Society*, 35 (1): 36–48.

23. Pendlebury J. 2019. Bourdieu in the military: the field of officer training in three air forces. In: Soili Paananen & Antti-Tuomas Pulkka (eds.): *Processes and practices in military training and education*, Helsinki, National Defence University Department of Leadership and Military Pedagogy. P. 21–40.

24. Polin B. A., Ehrman C.M. 2020. The Curious Relationship Between Military Service and Entrepreneurial Intentions in Israel. *Armed Forces & Society*, 46(3): 438–453.

25. Roth-Dauquet K., Schaeffer F. 2006. *AWOL: The Unexcused Absence of America's Upper Classes from Military Service – and How It Hurts Our Country*. New York, Harper Collins, 272 p.

26. Swed O., Butler J.S. 2015. Military Capital in the Israeli Hi-tech Industry. *Armed Forces & Society*, 41(1): 123–141.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карлова Екатерина Николаевна, старший научный сотрудник Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina N. Karlova, senior researcher, Military Educational and Scientific Centre of the Air Force «Air Force Academy named after professor N.E. Zhukovsky and Y.A.Gagarin», Voronezh, Russia